

Приглашение к размышлению

DOI: 10.30727/0235-1188-2022-66-1-134-147

Рецензия

Book review

**Становление, реальность и перспективы
общества благ и привилегий**

Рецензия на книгу:

Л.Г. Фишман, В.С. Мартьянов, Д.А. Давыдов.

Рентное общество:

в тени труда, капитала и демократии. –

М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. – 416 с.

П.Н. Кондрашов

*Институт философии и права Уральского отделения РАН,
Екатеринбург, Россия*

Аннотация

В настоящей рецензии проведен анализ монографии «Рентное общество: в тени труда, капитала и демократии». Рассмотрены факторы и условия перехода от социального государства и общества массового труда к рентному типу общества. Основными причинами этой трансформации служат исчерпание ресурсов в мировом масштабе и техническое замещение человека, что влечет за собой рост социальных групп, живущих за счет различных форм ренты (пособий, безусловного базового дохода, доплат, иных льгот). Между тем в производстве богатств участвуют всё меньше и меньше людей. В этих условиях единственным активным политическим субъектом становится недемократическое и неэгалитарное государство, занимающееся распределением рент различным социальным группам. Одновременно с трансформацией экономических, политических и социальных структур при переходе от общества труда к рентному обществу изменяется и содержание морального сознания. Происходит переход от трудовой морали к морали рентно-паразитической, которая ввиду объективных условий существования рентного большинства интериоризируется и постепенно становится новой нравственной нормой. Проанализированы два предполагаемых сценария дальнейшего развития рентного

общества. Позитивный сценарий обусловлен развитием науки, личности, социализацией общества, формированием нового типа экономики. Негативный – связан с углублением и глобализацией рентных процессов, ведущий к «неолиберальному феодализму», обществу без массового труда и экономического роста, но с иерархией сословно-рентных групп, между которыми государство внеэкономическими методами распределяет ренты и привилегии. Кроме того, автором рецензии показаны существенные недочеты монографии: диверсифицированное понимание термина «рента», слишком широкое понимание субъектов ренты, неправомерная экстраполяция рентных отношений на историю человечества (рентный презентизм) в целом.

Ключевые слова: социальная философия, социальное государство, естественное государство, техническое замещение, общество труда, исчерпание ресурсов, социальное неравенство, рентный презентизм.

Кондрашов Петр Николаевич – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии и права Уральского отделения РАН.

pnk060776@gmail.com

<https://orcid.org/0009-0007-9816-5979>

Для цитирования: Кондрашов П.Н. Становление, реальность и перспективы общества благ и привилегий (рецензия на книгу: Л.Г. Фишман, В.С. Мартьянов, Д.А. Давыдов. Рентное общество: в тени труда, капитала и демократии. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019) // Философские науки. 2023. Т. 66. № 1. С. 134–147. DOI: 10.30727/0235-1188-2022-66-1-134-147

Formation, Reality, and Prospects of the Society of Benefits and Privileges

Book review:

L.G. Fishman, V.S. Martyanov, & D.A. Davydov.
Rent Society: In the Shadow of Labor, Capital and Democracy.
Moscow: Higher School of Economics Publishing House, 2019
(in Russian).

P.N. Kondrashov
Institute of Philosophy and Law, Ural Branch,
Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia

Abstract

This review analyzes the book *Rental Society: In the Shadow of Labor, Capital, and Democracy*. The book's authors consider factors and condi-

tions for the transition from a social state and a society of mass labor to a rental type of society. The main reasons for this transformation are the depletion of resources on a global scale and the replacement of humans by machines, which entails the growth of social groups living off various forms of rent (benefits, unconditional basic income, additional payments, etc.). Meanwhile, fewer and fewer people are involved in the production of wealth. Under these conditions, the only active political subject becomes a non-democratic and non-egalitarian state, which distributes rents to various social groups. Simultaneously with the transformation of economic, political, and social structures, the content of moral consciousness also changes during the transition from a labor society to a rent society. There is a transition from labor morality to rent-parasitic morality, which, in view of the objective conditions for the existence of the rent majority, is internalized and gradually becomes a new moral norm. Two possible scenarios for the further development of the rental society are discussed. The positive scenario is a formation of a new type of economy due to the development of science, personality, new socialization forms. Negative scenario is associated with the deepening and globalization of rent processes, leading to “neoliberal feudalism,” to a society without mass labor and economic growth but with a hierarchy of class-rent groups, between which the state distributes rents and privileges using non-economic methods. In addition, the article shows significant shortcomings of the reviewed research: inconsistent understanding of the concept of rent, overly broad understanding of the subjects of rental processes, unjustified extrapolation of rent relations to the whole history of mankind (so called rent presentism).

Keywords: social philosophy, welfare state, natural state, technical substitution, labor society, depletion of resources, social inequality, rental presentism.

Pyotr N. Kondrashov – D.Sc. in Philosophy, Senior Research Fellow, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch, Russian Academy of Sciences.

pnk060776@gmail.com

<https://orcid.org/0009-0007-9816-5979>

For citation: Kondrashov P.N. (2023) Formation, Reality, and Prospects of the Society of Benefits and Privileges (Book review: L.G. Fishman, V.S. Martyanov, & D.A. Davydov. *Rent Society: In the Shadow of Labor, Capital and Democracy*. Moscow: Higher School of Economics Publishing House, 2019). *Russian Journal of Philosophical Sciences* = *Filosofskie nauki*. Vol. 66, no. 1, pp. 134–147. DOI: 10.30727/0235-1188-2022-66-1-134-147

Мы живем в особую эпоху радикальных и почти молниеносных перемен. Речь идет не только о пандемии коронавируса, военных

конфликтах, глобальном потеплении, массовых миграциях и пере-структурировании системы мирового господства, но и не менее фундаментальных преобразованиях в самом основании нашего мира – неолиберальном капитализме. В последние несколько лет открыто очень много его разновидностей. Не может не удивлять тот факт, насколько быстро он трансформируется, порождая все новые и новые формы. На фоне этого многообразия открыт, если и не новый «вид», то неожиданный вектор развития глобализирующегося капитализма – рентное общество. Анализ этого нового измерения мирового развития предложен известными политологами из Института философии и права Уральского отделения РАН – Л. Фишманом, В. Мартьяновым и Д. Давыдовым, которые представили свое открытие научной общественности в виде монографии «Рентное общество: в тени труда, капитала и демократии».

Попробуем реконструировать общую авторскую логику становления рентного общества, причин его формирования, главных механизмов протекания, специфических особенностей и вероятных сценариев его будущего. В этой концептуальной реконструкции будем следовать в традиционном марксистском ключе (которого не чужды и авторы рецензируемой монографии), а именно: от изменений в экономико-технологическом базисе через трансформации в социальной структуре общества и политической надстройке к радикальным изменениям в сфере морали.

После Второй мировой войны из недр фордистского общества в западных странах сформировалось государство всеобщего благоденствия, которое было демократическим, социальным и более-менее эгалитарным. Его основаниями стали:

– ресурсная обеспеченность стран центра капиталистической миросистемы, что было напрямую связано с «эксплуатацией природы, трудовых ресурсов стран полупериферии и периферии и мировым неравенством» (с. 98)¹;

– массовый труд в промышленности и сельском хозяйстве в наиболее развитых капиталистических странах;

– глобальная технологическая монополия стран Запада, «когда остальной мир представлял рынки сбыта и источники сырья» (с. 98–99);

¹ Здесь и далее в круглых скобках указаны страницы по изданию [Фишман, Мартьянов, Давыдов 2019].

– экономический рост, описываемый производительной моделью капитализма, когда «экономический рост и увеличение трудовых доходов населения (g) преобладают над темпами накопления капитала (r), т.е. $g > r$ » (с. 86).

Из этих базисных условий вытекает и соответствующая социальная структура, в рамках которой наблюдаются и классическая антагонистическая классовая стратификация (буржуазия/трудящиеся), и сокращение социального неравенства (в связи с ростом доходов у всех групп населения), что выразилось в обуржуазивании значительной части народных масс. Эта тенденция обуржуазивания (и по уровню дохода, и по образу жизни) выдвинула на первый план постоянно растущий средний класс, оказавшийся и социально обеспеченным, и вследствие этого политически лояльным, став стабилизирующим звеном в соответствующей социальной структуре. При этом (под влиянием советских практик и научно-технической революции) росли и многообразные формы социальной мобильности, расширялись политические, экономические права и свободы, становились более доступны образование и здравоохранение. В исследуемый период действовали демократические институты, поскольку широкие массы населения, будучи активными субъектами, участвовали в политике. Несмотря на наличие социальных противоречий, стационарной безработицы, расовой сегрегации, угнетение сексуальных меньшинств и женщин, наиболее опасные социальные группы были обеспечены все-таки пособиями, выплатами, льготами, т.е. существовала рентная обеспеченность низших классов, которая стала возможной из-за особого геополитического и экономического положения империалистического центра.

Но в конце 1970-х годов начался процесс свертывания социального государства. Анализируя данное явление вкупе с глобализационными процессами, авторы монографии выделяют ряд его причин:

– обнаружена исчерпанность ресурсов в мировом масштабе, т.е. теперь «механизмы инфраструктурной ренты» (с. 95), посредством которых поддерживались и обеспечивались социальная стабильность, относительное равенство, рост доходов в странах центра, перестают действовать;

– ресурсная эксплуатация стран периферии и полупериферии постепенно сходит на нет, что связано и с крахом колониальной системы, и с упомянутой ресурсной исчерпанностью;

– начинается техническое замещение живой рабочей силы, т.е. постепенное сокращение массового труда; отныне все меньшая и меньшая часть трудоспособного населения принимает участие в создании национального богатства, большая же часть превращается в социальные слои, живущие на разного рода «ренты»;

– наконец, мировая экономика вступает в фазу прекращения экономического роста не только в странах периферии, но и в странах центра, поскольку он напрямую зависел от неоимпериалистической эксплуатации остального мира. Авторы монографии отмечают: «В исторической перспективе глобальная рентная модель капитализма усиливается, т.к. прибыль на капитал (r) начинает превышать общие темпы экономического роста (g), что выражается формулой $r > g$ » (с. 86).

В связи с этими процессами происходит трансформации и социально-политических структур: «В обществе сокращающегося труда наблюдается постоянное и повсеместное расширение безработицы, которую все сложнее будет компенсировать с помощью модели социального государства, рассчитанной на экономический рост. Все большее количество людей оказывается вне глобальных производственных цепочек в мироэкономике. Оплата рентных компенсаций растущей массы нерентабельного населения через механизмы социального государства становится все более серьезной нагрузкой для национальных бюджетов» (с. 169).

В новых условиях государству и элитам приходится лавировать между различными социальными группами, требующими все больше и больше рент, льгот, подачек, преференций, привилегий как само собой разумеющегося. Особенно это относится к «опасным классам» (Г. Стиглиц) безработных, прекариата, «лишних людей», необеспеченной молодежи, являющихся протестными, подрывающими общественный «консенсус», который в *Welfare state* обеспечивался сытым и лояльным средним классом [Мартьянов 2016]. При этом единственным активным политическим субъектом становится укрепляющее свои позиции недемократическое и неэгалитарное государство, занимающееся распределением рент различным социальным группам: одних оно назначает достойными той или иной ренты, других этих рент лишает. Иными словами, недолго просуществовавшее социальное государство снова трансформировалось в государство естественное, «раздающее привилегии и ренты в основном имущим классам, а у прочих постепенно отнимающее политическую

ренту как справедливую часть зарплат, которая теперь обретает характер необоснованной привилегии» (с. 53).

Новые экономические и политические условия детерминируют поистине радикальные трансформации социальной структуры. С одной стороны, исчерпание ресурсов и элиминация инфраструктурных глобальных экономических преимуществ приводит к резкому сокращению массового труда в странах центра. С другой – возникают ведущие социальные группы (креативный класс, технократия), происходит резкое увеличение работников сферы услуг, IT-тружеников, персоналиата/имперсоналиата, экологического пролетариата, селебрити; появляются и дополнительные формы занятости (фриланс, удаленная работа, проектные сообщества). Ввиду сокращения доходов у всех групп населения (кроме незначительной высшей элиты), особенно у двух последних поколений (миллениалов и поколения Z), возрастает социальное расслоение и неравенство. Происходящие процессы приводят к возникновению опасных классов: постоянно и временно безработных, прекариата, «лишних людей», «которые требуют все больших объемов ренты для поддержания своей жизнедеятельности» (с. 70). В монографии отмечается, что «структурная безработица становится необходимой составной частью рентного капитализма, представленной рентозависимыми от государства социальными группами, которые меняют политическую лояльность на ренту выживания и тем самым создают антимодерный консенсус» (с. 96).

Вместе с тем рентная перспектива в ее авторском политэкономическом понимании (с. 8) позволяет выявить множество ранее невидимых тенденций. Одна из них – экспликация исторической динамики морального отношения к ренте. Полагаем, этот анализ, наряду с экспликацией имманентных взаимосвязей между базисными и социально-политическими структурами в обществе труда и аналогичными структурами в рентном обществе, – самое важное достижение авторов рецензируемой монографии. Они детально показывают, как структуры и механизмы общества труда и структуры становящегося рентного общества формируют совершенно разное отношение к «ренте», т.е. к разного рода льготам, пособиям, выплатам, никак не связанным с трудом, а полагаемым просто в силу того или иного социального положения субъектов (об этом более подробно ниже).

Обращаясь к марксистским категориям, логично утверждать, что в монографии отражено то, каким образом общественные отношения определяют общественное сознание.

Динамика детерминации такова. Поскольку в обществе труда «труд является основанием идентичности» (с. 283), то рантье *a priori* рассматривается как «социальный паразит» (с. 13, 53, 72–73, 290). Только труд и профессия делают из *homo sapiens* собственно человека, обладающего достоинством, правами, субъектностью (способностью к социально активному действию).

В промежуточном периоде, характеризуемом авторами монографии как «закат общества труда» (с. 68, 281) и как «общество всеобщей занятости любой ценой» (с. 280), постепенная элиминация трудовой идентичности (в связи с сокращением массового труда и высвобождением широких масс из непосредственного производства) приводит к смешанным эмоциям. С одной стороны, душу щемит инертное чувство: нетрудовые, даровые «ренты для масс» неправильны. Люди еще стесняются быть рантье. Массовый труд уходит, но память о нем остается. В частности, Л. Фишман, В. Мартыанов и Д. Давыдов справедливо пишут: «В этом трансформирующемся обществе правит труп мертвого труда» (с. 280). С другой стороны, объективные обстоятельства вынуждают жить на ренту (пособия, льготы), а значит, «для большинства населения поиск ренты как альтернативы отчуждению труда или вовсе безработице становится единственно возможной стратегией поведения» (с. 69).

Итак, «закат общества труда привел к кризису идентичности прежнего трудового социального субъекта вне зависимости от его классового статуса» (с. 281). Например, возникают и постоянно растут в этот период прекариат, класс «лишних людей», класс структурных безработных. Все эти социальные группы уже нельзя считать «субъектами преобразования социальных условий» (с. 282). Следовательно, «с ослаблением трудовой идентичности вновь встает вопрос об основаниях идентичности социальных субъектов». Авторы на это обращают особое внимание: «В качестве таковых все чаще акцентируются раса, нация, пол, гендер, религия и т.д. Отсюда – распространение политики идентичности, вплоть до идеи о том, что государства должны разрешить множественную идентичность и гарантировать права каждой из них. Трансформация характера политических требований новых политических сил может быть описана как борьба за компенсацию потери социальной субъектности» (с. 281).

К тому же на современном этапе откровенного ренессанса диктатуры буржуазии все небуржуазные агенты начинают вос-

приниматься господствующим классом не как получатели заработной платы, а «как соперники в борьбе за политическую ренту... И тогда вся политическая борьба приобретает характер борьбы за распределение ренты» (с. 51). Видимо, вместо классической классовой борьбы развернется борьба за место под рентным солнцем множества групп. Более того, «следует ожидать, что разные социальные слои войдут в рентное общество по-разному и установится нечто вроде иерархии рантье» (с. 284).

В данных обстоятельствах происходит переход к новой – антитрудовой, рентной, попрошайнической и паразитической (пусть и объективно вынужденной) – морали, основанной на восприятии привилегий, рент, льгот, пособий как чего-то естественного. Согласно этой морали, человек не хочет работать, но хочет жить достойно, а значит, государство обязано ему такую жизнь обеспечить. Хотя бы лишь потому, что он – полноправный гражданин этого государства. Сегодня граждане получают привилегии и права (по сравнению с мигрантами, гастарбайтерами, иностранцами) не с учетом своих вассальных военно-трудовых повинностей в пользу сюзерена (как было при феодализме), а лишь ввиду места рождения. В таких условиях «эти привилегии уже выглядят исключительно как банальный источник ренты» (с. 51). Гражданин уверен, что государство все это ему должно. Хотя сегодня порой приходится наблюдать и ситуацию, в которой «государство никому ничего не должно».

Наконец, в грядущем рентном обществе отсутствие трудовой идентичности будет само собой разумеющимся фактом, а рента как таковая в ее многочисленных формах «будет рассматриваться как компенсация за утрату (трудовой. – П. К.) идентичности» (с. 283). Своего положения рантье никто стесняться не будет. Авторы монографии убеждены в следующем: «Переход к обществу, в котором большинство открыто стремится стать рантье, если не закономерен, то ожидаем... Есть основания предполагать, что именно это и происходит сегодня» (с. 69). Различные виды рент будут выглядеть естественными и необходимыми благами, «которыми грех не воспользоваться» (с. 32).

Хотя авторы монографии и не обращают на это внимания, становится очевидным, что в рамках этих переходов осуществляется трансформация не только отношения к ренте и труду, трансформация сознания и морали, но и трансформация человека. По сути, речь идет о разных типах человека как общественного

существа: в одном случае можно говорить о человеке как существе трудовом *par excellence*, а в другом – как о своеобразном *Homo renticus*. При этом, безусловно, все аспекты родовой сущности его сохраняются, только включаются в новые контексты. Уместно вспомнить о критике К. Марксом учения И. Бентама, «экстраполировавшего» человека буржуазного общества на все эпохи человеческой истории².

Как нам представляется, авторская концепция имплицитно содержит возможность исторического анализа изменений человека в аспекте соотношения «труд – рента». Было бы интересным проследить переход от общества труда к рентному обществу именно в этой философско-антропологической перспективе. Подобный анализ позволит взглянуть на социально-исторические трансформации человека в ином ракурсе. Думается, что авторы в будущем попытаются выполнить соответствующий анализ.

Установлено, что в результате глобальных экономических, социальных, политических, технологических и моральных трансформаций «усиливается национализм и протекционизм, глобальная центр-периферийная поляризация нарастает, а на горизонте будущего возникает образ недемократического и неэгалитарного общества без экономического роста и массового труда, но с растущими опасными классами прекариата и безработных, которые требуют все больших объемов ренты для поддержания своей жизнедеятельности» (с. 70). Поэтому «рыночная модель капитализма постепенно трансформируется в рентную, где основным мотивационным фактором вместо рыночной погони за прибылью становится поиск ренты или передел рынков внеэкономическими способами. В подобном контексте роль ключевого экономического субъекта уже играет государство, распределяющее ресурсы внерыночными способами среди иерархии рентных групп, образующих каркас новой структуры политического сообщества» (с. 70).

Хотя, как подчеркивают авторы рецензируемой монографии, «нарисованная картина рентного общества носит гипотетический

² К. Маркс писал: «С самой наивной тупостью он отождествляет современного филистера – и притом, в частности, английского филистера – с нормальным человеком вообще. Все то, что полезно этой разновидности нормального человека и его миру, принимается за полезное само по себе. Этим масштабом он измеряет затем прошедшее, настоящее и будущее» [Маркс 1960, 623].

характер» (с. 388), и оно «еще не стало реальностью» (с. 285), тем не менее исследование развития в оптике процессов рентизации позволяет не только увидеть в ином ракурсе прошлое и настоящее, но и заглянуть в будущее (с. 27). Относительно альтернатив будущего целесообразно предположить, что перспективы, намеченные в монографии, можно свести к двум трендам развития.

Во-первых, если описанный выше процесс рентизации продолжится (а эта тенденция радикально усилена в глобальном масштабе вследствие пандемии коронавируса), то на уровне отдельных государств нас ждет «общество без массового труда и экономического роста, но с иерархией сословно-рентных групп (с. 70, 284), среди которых естественное недемократическое государство внеэкономическими методами распределяет ренты и привилегии. Большинство же тех, кто не смог по разным причинам инкорпорироваться в новые социальные структуры, «с большей вероятностью ждут не комфортабельные социальные пособия, а сокращение доступных возможностей, прав и гарантий, вплоть до исключения из общества или прямого уничтожения» (с. 152). Безусловно, такой «неофеодальный» вариант развития вполне вероятен [Kotkin 2020]. Сегодня наблюдается тренд формирования неолиберального феодализма как неограниченной диктатуры мировой элиты финансового капитала, основанной на радикальной эксплуатации и цифровом допуске к ресурсам (экономике), диктатуре (политике), тотальном контроле (социальной сфере), «репрессивно-толерантном» сознании масс (морали). В структуре этого неофеодализма изложенные в монографии механизмы рентного общества, ведущие к естественному государству как тотальному дистрибутивному неэгалитарному аппарату, вполне релевантны.

Во-вторых, вероятна и противоположная перспектива развития. Исследования (в том числе и авторов рассматриваемой монографии) показывают, что в «теле» постсовременного капитализма постепенно вызревают «локусы» других экономических отношений, формируются новые потребности, которые, в свою очередь, детерминируют новые общественные и межличностные отношения, основанные на доверии, внутригрупповой сплоченности и взаимопомощи, где доминируют социальные связи как таковые, а не социальный капитал, который нужно «инвестировать», где экономика – это хозяйствование, обеспечение жизнедеятельности общества, а не хрематистика как обеспечение максимальной

выгоды и/или погоня за рентой. Такое постепенно формирующееся общество можно назвать «неореципрокным» сообществом [Lebowitz 2021]. В монографии позитивная перспектива позиционируется так, что рентное общество рассматривается «как возможная переходная стадия к социализму» (с. 378–386).

Очень важна мысль авторов о том, что негативный вариант развития осуществится сам собой, а для реализации позитивного тренда потребуются усилия мирового сообщества. Авторы считают, что человечество способно преодолеть отрицательные тенденции, вызовы рентизации и сознательно перенаправить их в позитивное русло (с. 282).

Завершая рецензию, отметим, что самый существенный недостаток авторской концепции, на наш взгляд, состоит в предельно широком понимании феномена ренты. В связи с этим под концептуально размытую метафору представляется возможным подвести все, что угодно, – от исключительно рентных отношений до отношений дара, обмена, подачек, взяток, подкупов, до экономических, политических и социальных гарантий, привилегий и даже интимных отношений.

Диверсификация объема понятия «рента» привела авторов к ряду «перегибов»:

– во-первых, к слишком широкому пониманию субъектов ренты, когда в рантье превратились в том или ином отношении фактически все индивиды, все социальные группы и даже государства (с. 86, 169, 201);

– во-вторых, к географической «размытости» в понимании того, где находится рентное общество, носит ли оно глобальный или локальный характер (см. с. 73, 79, 85, 86, 192–274).

– наконец, в-третьих, это – неправомерная антиисторическая экстраполяция рентных отношений, когда вся человеческая история рассматривается как всегда и везде существующее рентное общество (рентный презентизм) [Wood 2002, 3–4], только изменяющее свои имманентные конфигурации. Неслучайно авторы утверждают: «В этом смысле феномен “погони за рентой” выступает в нашей работе как универсальное явление, пронизывающее всю человеческую историю» (с. 25; ср. с. 32, 38).

В совокупности изложенное нивелирует специфику ренты. Однако перечисленные выше «перегибы» в действительности вступают в резкое противоречие с фактическим и аналитическим содержанием монографии. Думается, что в ней речь идет

в большей степени не столько о рентных отношениях, сколько об отношениях, основанных на преимуществах, привилегиях и вытекающих из них различных материальных и нематериальных благ, частично связанных с «социально-политическим положением кого-то в социальной структуре», частично – не связанных. Непосредственно рентные отношения выступают в данном случае в качестве видовых, а отношения преимуществ и предпочтений – в качестве родовых. Таким образом, охарактеризованное в монографии общество называть рентным просто некорректно. Тут, наверное, надо говорить либо о квази/пара-рентном обществе, либо о некоем обществе благ и привилегий (*society of benefits and privileges*).

Если в таком плане понимать общую модель материальных и нематериальных преимуществ и привилегий, связанных с институциональным положением субъекта (будь то индивид, социальная группа или государство), то исчезает и «грех» радикально диверсифицированного понимания рантье, поскольку речь будет идти не о ренте, а о выгодах. Исчезает при этом и вопрос о локальности или глобальности становящегося общества привилегий, которое в описанной парадигме перехода от ресурсообеспеченного общества массового труда к ресурсной истощенности и при постоянно растущей доле нуждающихся в «рентах», пособиях, поддержке будет присутствовать лишь в *наиболее развитых* капиталистических странах, но с постепенным втягиванием в свою орбиту мира в целом.

Рентный презентизм вступает в противоречие с исторической точкой зрения авторов, проявившейся в проведенном ими всестороннем, глубоком анализе изменений морального отношения к ренте, т.е. изменений в содержании общественного сознания, в связи с изменениями в базисных (экономических и социально-стратификационных) и надстроечных (социально-политических) структурах, т.е. изменениями в содержании общественного бытия. Несмотря на все наши критические замечания, резюмируем: монография представляет огромный интерес для тех, кто изучает современный мир, тенденции его развития, возникающие новые экономические, социальные, политические и этико-регулятивные реалии и ростки будущего. Полагаем, авторы в последующих открытиях и исследованиях относительно т.н. рентного общества перейдут от метафор к строгим понятиям.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Маркс 1960 – Маркс К. Капитал. Т. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 23. – М.: Политиздат, 1960.

Мартьянов 2016 – Мартьянов В.С. Прощай, средний класс // Свободная мысль. 2016. № 5. С. 53–70.

Фишман, Мартьянов, Давыдов 2019 – Фишман Л.Г., Мартьянов В.С., Давыдов Д.А. Рентное общество: в тени труда, капитала и демократии. – М.: ИД Высшей школы экономики, 2019.

Kotkin 2020 – Kotkin J. *The Coming of Neo-Feudalism. A Warning to the Global Middle Class.* – New York: Encounter Books, 2020.

Lebowitz 2021 – Lebowitz M. *Between Capitalism and Community.* – New York: Monthly Review Press, 2021.

Wood 2002 – Wood E.M. *The Origin of Capitalism.* – London: Verso, 2002.

REFERENCES

Fishman L.G., Martynov V.S., & Davydov D.A. (2019) *Rent Society: In the Shadow of Labor, Capital and Democracy.* Moscow: Higher School of Economics Publishing House (in Russian).

Kotkin J. (2020) *The Coming of Neo-Feudalism: A Warning to the Global Middle Class.* New York: Encounter Books.

Lebowitz M. (2021) *Between Capitalism and Community.* New York: Monthly Review Press.

Martynov V.S. (2016) Goodbye, Middle Class. *Svobodnaya mysl.* No. 5, pp. 53–70 (in Russian).

Marx K. (1960) Capital. Vol. 1. In: *Marx K. & Engels F. Collected Works* (Vol. 23). Moscow: Politizdat (Russian translation).

Wood E.M. (2002) *The Origin of Capitalism.* London: Verso.